

О стратегических эффектах односторонних санкций: российский опыт

Анастасия Борисовна Лихачева

E-mail: alikhacheva@hse.ru, ORCID: 0000-0001-6673-3096

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва 119017, Российская Федерация

Аннотация

Большая часть академических дискуссий о последствиях санкций сосредоточена на их прямом воздействии или сопутствующем ущербе двусторонним отношениям субъекта и объекта санкций, что отражает понимание санкций как инструмента внешней политики. Однако анализ российского опыта позволяет поставить новые вопросы к роли санкционного инструментария в международных делах. Безусловно, в краткосрочном периоде приоритетом является политика, направленная на минимизацию рисков прямых санкций. Однако Россия находится под обширными санкциями США и ЕС более семи лет, а с отдельными ограничениями начала сталкиваться еще раньше. В связи с этим анализ санкционных реакций явно можно перевести в средне- и долгосрочную плоскость. Проведенный анализ нормативно-правовых актов и отдельных региональных и отраслевых стратегий Москвы свидетельствует, что страны-мишени перестраивают свои международные приоритеты под угрозой дальнейшего санкционного давления — как формального, так и неформального. Санкции становятся не просто инструментом наказания или сдерживания, но и выполняют сигнальную функцию в новом значении — не только демонстрируют неодобрение политики страны-цели, но и сигнализируют, что планирование долгосрочных проектов в сфере развития сопряжено с возросшими рисками. Таким образом, комплексные последствия санкций выходят далеко за рамки немедленной реакции стран-мишеней, как показывает анализ стратегий адаптации отраслей российской экономики к санкционному давлению. В качестве примера такой трансформации в настоящей статье рассматривается санкционная политика на постсоветском пространстве — как мер со стороны отдельных стран региона в отношении России, так и контрмер со стороны РФ.

Ключевые слова: санкции, Россия, диверсификация, санкционные эффекты, импортозамещение

JEL: F01, F20

Благодарности: автор выражает благодарность участникам студенческого научного проекта НИУ ВШЭ 2021 г. «Санкционные эффекты и стратегии национального развития: пример России» Онищик Марии, Панферову Александру, Шамхалову Артуру, Ткачу Максиму, Тойс Карлу, Елькиной Валерии за помощь в формировании базы санкционных НПА и мер поддержки отдельных отраслей.

Для цитирования: Лихачева А. Б. О стратегических эффектах односторонних санкций: российский опыт // Финансовый журнал. 2021. Т. 13. № 4. С. 52–66.
<https://doi.org/10.31107/2075-1990-2021-4-52-66>.

© Лихачева А. Б., 2021

<https://doi.org/10.31107/2075-1990-2021-4-52-66>

On the Strategic Effects of Unilateral Sanctions: Russian Experience

Anastasia B. Likhacheva

HSE University, Moscow 119017, Russian Federation

alikhacheva@hse.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6673-3096>

Abstract

Much of the academic debate about the consequences of sanctions has been focused on their direct impact or on collateral damage to the bilateral relationship between the issuer of sanctions and the target of sanctions, reflecting the understanding of sanctions as a foreign policy tool. However, an analysis of the Russian experience allows one to raise new questions about the role of sanctions instruments in international affairs. Of course, in the short term, the priority is a policy aimed at minimizing the risks of direct sanctions. Nevertheless, Russia has been under extensive US and EU sanctions for more than seven years, and began to face individual restrictions even earlier. In this regard, the analysis of sanctions reactions can clearly be transferred to the mid- and long-term plane. The analysis of the regulatory legal acts and particular regional and sectoral strategies of Moscow shows that the target countries have been rearranging their international priorities under the threat of further sanctions pressure, both formal and informal. Thus, sanctions are serving not only as a tool of punishment or deterrence, but also as a signaling function in a new meaning – not only demonstrating disapproval of the target country’s policy, but signaling that the planning of long-term development projects is associated with increased risks. Therefore, the complex consequences of sanctions go far beyond the immediate response of the target countries, which is reflected in the industry overview of Russian sanctions pressure adaptation strategies. A particular example of such a transformation, considered in this article, is the sanctions policy in the post-Soviet space—both on the part of individual countries of the region in relation to Russia, and in terms of countermeasures on the part of the Russian Federation.

Keywords: sanctions, Russia, diversification, sanction effects, import substitution

JEL: F01, F20

Acknowledgments: *The author expresses gratitude to participants of the HSE student research project 2021 “Sanctions Effects and National Development Strategies: The Example of Russia” Maria Onishchik, Alexander Panferov, Artur Shamkhalov, Maxim Tkach, Karl Tois, and Valeria Yelkina for their assistance in forming the base of sanctions laws and regulations as well as measures to support individual industries.*

For citation: Likhacheva A.B. On the Strategic Effects of Unilateral Sanctions: Russian Experience. *Financial Journal*, 2021, vol. 13, no. 4, pp. 52–66 (In Russ.). <https://doi.org/10.31107/2075-1990-2021-4-52-66>.

© Likhacheva A.B., 2021

ВВЕДЕНИЕ

Все наборы реакций, наблюдаемые в государствах, подвергающихся односторонним санкциям, можно условно разделить на стратегии выживания и стратегии развития в условиях санкционного давления, которое рассматривается как долгосрочный фактор. Основная гипотеза данной статьи состоит в том, что, *несмотря на хорошо изученные непосредственные эффекты антироссийских санкций и встречных мер* (подробнее см. работы [Гурвич Е. Т., Прилепский, И. В., 2016; Варвус С. А., 2018; Бородин К. Г., 2016; Закирова Д. Ф., Закирова Э. Ф., 2018; Прилепский И. В., 2019]), *современные санкционные инструменты формируют долгосрочные эффекты вследствие адаптации стратегий развития к санкционным вызовам и риску использования взаимозависимости как оружия.*

Отдельные положения данной статьи развивают концепцию взаимозависимости как оружия, выдвинутую Фаррелом и Ньюманом [Farrell H., Newman A. L., 2019]: в рамках данной концепции любая взаимозависимость может пониматься как асимметричная и потенциально опасная. Подобная логика активно «марширует» по международной системе, все чаще стимулируя страны не только диверсифицировать свои цепочки добавленной стоимости (ЦДС), защищаясь от санкций, но и вводить санкции, «стреляя себе в ногу», что в последние годы наблюдается в случае некоторых стран постсоветского пространства¹. Поэтому мы рассматриваем данную концепцию с точки зрения не только учета санкционных рисков, но и стимулов для отдельных стран к введению санкций с целью сокращения сотрудничества в будущем — в тех случаях, когда оно воспринимается как потенциально рискованное.

Структурно работа разделена на три части: в первой систематизируются ключевые нормативно-правовые решения РФ, определившие ее антисанкционную политику. В ней мы рассматриваем основные нормативно-правовые акты, напрямую обусловленные антироссийскими санкционными программами США, ЕС, Украины и других стран.

Во второй части сопоставляются инструменты, используемые Россией в отношении отдельных подсанкционных отраслей — и с точки зрения решения задач обеспечения устойчивости в условиях санкционных шоков (стратегия выживания), и с точки зрения приоритетов развития в условиях новой, санкционной, нормальности.

В третьей части способность санкций создавать долгосрочные последствия для международного сотрудничества рассматривается уже не на отраслевом, а на региональном примере, выходящем за рамки обсуждения западных санкций и российских реакций на них — кейсе постсоветского пространства, в котором санкционерами РФ выступают отдельные бывшие советские республики, а Россия реализует свою политику в регионе, основываясь на принципах «зеркальности». В заключительных параграфах обозначаются основные санкционные «развилки», с которыми уже сталкивается Россия и в скором времени, вероятно, столкнется достаточно обширное число других стран (более подробно о системных эффектах санкций см. работу [Телегина Е. А., Халова Г. О., 2019]).

**РЕАКТИВНЫЙ, АДАПТИВНЫЙ ИЛИ ПРЕВЕНТИВНЫЙ ПОДХОДЫ:
НОРМАТИВНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ**

Россия находится под обширными санкциями США и ЕС более семи лет, а с отдельными ограничениями начала сталкиваться еще раньше. Правда, до 2014 г. основным (и единственным) нормативно-правовым актом в области «санкционной» политики Российской

¹ В данной статье в качестве взаимозаменяемых терминов используются следующие русские эквиваленты английских терминов *target country* и *imposing country*. В первом случае употребляются в качестве взаимозаменяемых варианты: «страна-мишень», «страна-цель» и «объект санкций», «санкционируемая сторона»; во втором — «субъект санкций», «санкционер», «санкционирующая страна», «страна, вводящая санкции».

Федерации был Федеральный закон от 30.12.2006 № 281-ФЗ «О специальных экономических мерах и принудительных мерах». Сегодня анализ санкционных эффектов и реакций явно можно перевести в средне- и долгосрочную плоскость, уходя от зачастую привлекающих обширное внимание СМИ, но малоэффективных с политической точки зрения краткосрочных эффектов [Gould-Davis N., 2020]. И основополагающий аспект такого анализа — законодательный.

В основном официальная российская реакция на законодательные акты США (и других стран) заключается в комментариях МИД РФ и членов Федерального собрания либо составлении санкционных списков лиц, для которых запрещен въезд на территорию РФ (в которые входят преимущественно политики и основные законотворцы). Однако комплексный ответ на санкционный вызов касается главным образом принятия специальных нормативно-правовых актов (НПА) и обновления либо создания отраслевых инструментов поддержки и адаптации. В данном параграфе мы рассмотрим общероссийский законодательный аспект, во второй части представим отраслевую специфику подобных мер.

В рамках подготовки данной статьи было проанализировано 44 нормативно-правовых акта РФ, прямо связанных с реагированием на санкционные вызовы. Большая часть из них относится к уточнениям и продлениям сроков действия основных документов — федеральных законов и постановлений правительства (именно они приведены в табл. 1 ниже).

Долгосрочные решения

Основной ответ России на санкции Запада представлен в виде «специальных экономических мер», введенных в августе 2014 г. и ежегодно продлеваемых. Данные меры состоят во введении эмбарго на товары (в основном на продовольственную продукцию), произведенные в государствах, которые ввели санкции в отношении России, — опять же, подобные меры нацелены не только на оказание шокового воздействия на сельскохозяйственные отрасли стран Запада, но и на создание возможностей эффективного развития российского сельского хозяйства в долгосрочной перспективе без нарушения правил ВТО.

Главными нормативно-правовыми актами, вводившими продовольственное эмбарго против стран, которые ввели санкции в отношении России, стали Указ Президента Российской Федерации от 06.08.2014 № 560 «О применении отдельных специальных экономических мер в целях обеспечения безопасности Российской Федерации» и принятое для его исполнения Постановление Правительства Российской Федерации от 07.08.2014 № 778 «О мерах по реализации Указа Президента Российской Федерации от 06.08.2014 № 560 “О применении отдельных специальных экономических мер в целях обеспечения безопасности Российской Федерации”», утвердившее перечень запрещенных к ввозу продуктов и список стран. В дальнейшем эти НПА продлевались ежегодно указами президента и постановлениями правительства соответственно.

В качестве ответа на ряд законодательных инициатив США, направленных на введение дальнейших санкций против России, российское «контрсанкционное» законодательство пополнилось Федеральным законом от 04.06.2018 № 127-ФЗ «О мерах воздействия (противодействия) на недружественные действия Соединенных Штатов Америки и иных иностранных государств». Закон расширял полномочия Президента РФ и Правительства РФ в вопросе ответных мер на санкции США и других стран. В отличие от закона 2006 г. закон 2018 г. был более узконаправленным (непосредственно против США), а термин 2006 г. — «специальные экономические меры» — был дополнен новыми терминами: «меры воздействия» и «меры противодействия».

Для более эффективной контрсанкционной деятельности в рамках Министерства финансов Российской Федерации был создан Департамент контроля за внешними ограничениями

(Постановление Правительства Российской Федерации от 18.07.2018 № 845 «О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации» и Приказ Министерства финансов Российской Федерации от 28 декабря 2018 г. № 3272 «Об утверждении Положения о Департаменте контроля за внешними ограничениями Министерства финансов Российской Федерации»).

Следует отметить, что нормативные новации Россия вводит последовательно на протяжении всего кризиса в отношениях со странами Запада. Поэтому попытка непосредственно синхронизировать конкретные санкции западных стран и контрсанкции России представляется затруднительной задачей, в основном из-за характера данных мер: в некоторых случаях ответные меры могут не вводиться либо, наоборот, отдельная мера представляет собой ответ на все санкции, введенные за какой-то период времени. Помимо этого некоторые принимаемые Россией меры реализуются в форме нормативно-правовых актов с некоторой задержкой (например, в несколько месяцев, как в случае с Указом Президента № 560, или почти в год, как это было с ФЗ № 127).

Как таковые меры России (выраженные в виде НПА) в большинстве случаев не являются конкретными ответами на конкретные санкции, введенные в соответствии с изменениями в законодательстве США, а также ЕС, Украины и других санкционеров. Однако определенная хронологическая реактивность российского законодательства, прямо обусловленного санкционной активностью стран Запада, прослеживается весьма отчетливо — в табл. 1 представлено хронологическое сопоставление ключевых американских и российских мер.

Таблица 1

**Сопоставление американских и российских мер, прямо или косвенно связанных с антироссийскими санкционными программами третьих стран /
Chronological correspondence of the US and Russian measures directly or indirectly related to anti-Russian sanctions programs of third countries**

Дата	Меры США	Меры России
5 марта 2014 г.	H.R. 4152. Support for the Sovereignty, Integrity, Democracy, and Economic Stability of Ukraine Act of 2014	
6 марта 2014 г.	E.O. 13660. Blocking Property of Certain Persons Contributing to the Situation in Ukraine	
16 марта 2014 г.	E.O. 13661. Blocking Property of Additional Persons	
20 марта 2014 г.	E.O. 13662. Blocking Property of Additional Persons	Санкционный список МИД РФ (запрет на въезд в Россию девяти американским политикам)
5 мая 2014 г.		Федеральный закон от 05.05.2014 № 112-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О национальной платежной системе» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» (в связи с ограничением операций ряда банков на территории России с 21 марта 2014 г.; в дальнейшем все меры в этой сфере — превентивные)
6 августа 2014 г.		Указ Президента Российской Федерации от 06.08.2014 № 560 «О применении отдельных специальных экономических мер в целях обеспечения безопасности Российской Федерации» (как основная ответная мера на все введенные санкции)
7 августа 2014 г.		Постановление Правительства Российской Федерации от 07.08.2014 № 778 «О мерах по реализации Указа Президента Российской Федерации от 06.08.2014 № 560 «О применении отдельных специальных экономических мер в целях обеспечения безопасности Российской Федерации»

Дата	Меры США	Меры России
28 января 2015 г.	S.284 – Global Magnitsky Human Rights Accountability Act	
1 апреля 2015 г.	E.O. 13694. Blocking the Property of Certain Persons Engaging in Significant Malicious Cyber-Enabled Activities	
28 декабря 2016 г.	E.O. 13757. Taking Additional Steps to Address the National Emergency with Respect to Significant Malicious Cyber-Enabled Activities	
24 июля 2017 г.	H.R. 3364. Countering America's Adversaries Through Sanctions Act	
4 июня 2018 г.		Федеральный закон от 04.06.2018 № 127-ФЗ «О мерах воздействия (противодействия) на недружественные действия Соединенных Штатов Америки и иных иностранных государств» (как ответ на H.R.3364 CAATSA и все впоследствии введенные санкции)
4 апреля 2019 г.		Постановление Правительства Российской Федерации от 04.04.2019 № 400 «Об особенностях раскрытия и предоставления информации, подлежащей раскрытию и предоставлению в соответствии с требованиями Федерального закона «Об акционерных обществах» и Федерального закона «О рынке ценных бумаг» (в целях защиты от возможности введения санкций против конкретных агентов)

Источник: составлено автором / Source: composed by the author.

Финансовая система

Как видно из табл. 1, российское законодательство в области обеспечения безопасности функционирования финансовой системы имеет определенную специфику: для него в существенно большей мере характерен *превентивный подход*, оно призвано в первую очередь предотвратить (либо максимально снизить) негативные последствия возможного введения санкций в этой области, то есть не является ответом на конкретные санкционные меры. Первоначальным импульсом для принятия этих мер послужили ограничения на операции ряда банков России в марте 2014 г., после чего возникли опасения по поводу возможных дальнейших ограничений такого рода. С этого момента все нормативно-правовые акты России в данной сфере носят преимущественно превентивный характер.

После введения первых санкций против Российской Федерации и ограничения переводов денежных средств в качестве фундаментального риска было определено именно финансовое давление и отключение России от системы SWIFT и начался последовательный процесс повышения финансовой безопасности. Одним из первых законодательных актов стал Федеральный закон от 05.05.2014 № 112-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О национальной платежной системе» и отдельные законодательные акты Российской Федерации», провозглашавший создание Национальной системы платежных карт (НСПК) Банка России и регулирующий основные моменты, связанные с ее работой. В рамках этого вопроса было создано АО «НСПК», единственным акционером которого является Банк России, а также запущена платежная система «Мир». Позднее работу Национальной платежной системы стали регламентировать нормативно-правовые акты Центрального банка: Положение Банка России от 06.07.2017 № 595-П «О платежной системе Банка России» и заменившее его Положение Банка России от 24.09.2020 № 732-П «О платежной системе Банка России». Таким образом, можно говорить скорее **о превентивном характере мер России в финансовой сфере**. При этом еще до 2014 г. Россия планомерно снижала внешний государственный долг — сегодня он один из самых низких среди крупных стран.

Среди международных соглашений можно отметить заключенное 13 октября 2014 г. Соглашение Банка России и Народного банка Китайской Народной Республики о свопе в национальных валютах (*договоров с другими национальными банками с 2014 г. не заключалось*). Также заключено два межправительственных соглашения по расчетам и платежам в национальных валютах: с Китаем (5 июня 2019 г.) и Турцией (4 октября 2019 г.). Других межправительственных соглашений по этому вопросу пока нет. На данный момент наиболее вероятно заключение соглашения с Вьетнамом, кроме того, в 2015 г. велись переговоры с Египтом, но результат достигнут не был. Между тем соглашения такого рода не предполагают обязательного использования национальных валют в двусторонней торговле между странами — не запрещается использование другой иностранной валюты. Вопрос же об использовании национальных валют в двусторонней торговле решается на уровне отдельных контрактов. Таким образом, на законодательном уровне хорошо прослеживаются меры, принятые Российской Федерацией в рамках обеспечения стратегии «выживания» или обеспечения устойчивости российской экономики в условиях санкционных шоков.

Однако сводить антисанкционную политику России только к явно обусловленным санкциями НПА мерам, направленным на смягчение санкционных шоков, представляется слишком сильным упрощением: ниже мы рассматриваем российский подход в отраслевом разрезе.

ОТРАСЛЕВОЙ ОБЗОР: МЕРЫ УСТОЙЧИВОСТИ И РАЗВИТИЯ В УСЛОВИЯХ САНКЦИОННОГО ДАВЛЕНИЯ

Проведенный за последние годы российскими [Андрюшкевич О. А., Денисова И. М., 2020] и зарубежными [Korhonen I. et al., 2018] авторами анализ воздействия санкций на конъюнктуру российских отраслей, подпавших под них, свидетельствует, что даже в кратко- и среднесрочной перспективе могут быть выявлены разнонаправленные эффекты подобных мер и неравномерность их воздействия на разные отрасли [Aalto P., Forsberg T., 2016].

Перечень мер господдержки при этом значительно варьируется: налоговые льготы компаниям, которые работают в особых регионах; налоговые преференции компаниям, которые инвестируют в проекты, включающие в себя разработку или внедрение современных технологий. Компании, которые планируют реализовывать проекты в арктической зоне, получают льготы по налогу на прибыль и НДС². В Арктике также действуют преимущества по НДС, компенсация части страховых взносов, предоставление субсидий на уплату процентов по кредитам, льготы при осуществлении градостроительной деятельности, государственно-частные партнерства, свободные таможенные зоны и др. Арктическая зона РФ, в которую полностью или частично вошли девять регионов России, получила в 2020 г. особый статус, объединяющий различные меры поддержки для компаний, намеренных вести бизнес в Арктике.

В целом системный ответ на санкционное давление со стороны РФ был многокомпонентным комплексом мер, направленных на поддержку импортозамещения, локализации производства и в отдельных случаях — диверсификации партнеров по производственно-сбытовым цепочкам [Connolly R., 2018]. Однако глубина и эффективность подобных мер радикально варьировались по отраслям. Ниже рассмотрим примеры отраслей с долгим производственным циклом: на них эффекты санкций проявились наиболее наглядно, из-за того что в подобных отраслях смена партнеров по технологическому и производственному сотрудничеству наиболее проблематична.

---

² Преференции для резидентов Арктической зоны РФ / Агентство регионального развития. URL: https://msp29.ru/ru/arctic_zone/preference/

Проанализируем примеры различных комбинаций санкционных инструментов и сопоставим их с подходами РФ к поддержке пострадавших отраслей: судостроения (таргетированные санкции, запрет на сотрудничество с американскими компаниями и заморозка активов), вычислительной техники и микроэлектроники (санкции Агентства промышленности и безопасности США, заморозка американских активов и экспортные ограничения), космической отрасли (таргетированные санкции и запрет на экспорт товаров двойного назначения), топливно-энергетического комплекса (таргетированные, секторальные, экспортные санкции США и ЕС). Безусловно, отдельные инструменты пересекаются, но отраслевая специфика остается весьма заметной и определяется качеством промышленной кооперации со странами-санкционерами до введения ограничений, степенью интегрированности российских компаний в международные ЦДС, качеством научно-технологического задела в России и пр. Безусловно, каждый из отраслевых обзоров может быть расширен в полноценное исследование, однако задачи данной статьи ограничены систематизацией комплексных эффектов санкций, без оценки непосредственных шоков при их введении.

Судостроение

Наиболее показательным кейсом в отрасли судостроения являются санкции США против Объединенной судостроительной корпорации (ОСК), 100 % активов которой принадлежит государству. Санкции были введены 29 июля 2014 г., вследствие чего американским компаниям было запрещено сотрудничать с ОСК, а ее активы в США были заморожены.

Реакцию РФ, как и в случае с другими отраслями, можно назвать адаптивной, т. к. она не содержала прямой отсылки к санкциям, но включала меры по смягчению их негативных эффектов. Непосредственно к реакции России можно отнести действия в 2015 и 2019 гг.: в 2015 г. было издано Постановление Правительства РФ № 719 «О подтверждении производства промышленной продукции на территории РФ», а в 2019 г. — приказ Минпромторга об утверждении плана мероприятий по импортозамещению в судостроительной отрасли России и принята Стратегия развития судостроительной промышленности на период до 2035 г. Дополнительным фактором стало то, что в 2012 г. была принята Государственная программа РФ «Развитие судостроения и техники для освоения шельфовых месторождений на 2013–2030 годы». Она включает в себя ряд подпрограмм, направленных не только на освоение шельфовых месторождений, но и на развитие гражданского судостроения³.

Согласно аналитическому отчету «ПортНьюс», подготовленному для Минпромторга РФ⁴, в 2020–2022 гг. предусмотрены бюджетные ассигнования 3,8 млрд руб. в год для субсидирования возмещения части затрат на уплату процентов по кредитам на закупку гражданских судов и лизинговых платежей по договорам лизинга, заключенным в 2009–2021 гг. (в настоящее время субсидируется 120 судов).

Если говорить об итогах отрасли последних лет, то стоит отметить, что в 2019 г. было построено 135 морских и речных судов, большинство из которых — на российских верфях (118 ед.), что на 4 % больше показателей 2018 г. Согласно рейтингу международного агентства Clarkson Research, в третьем квартале 2020 г. Россия вышла на второе место в мире по объемам судостроения. Таким образом, можно предположить,

³ «Развитие судостроительной науки», «Развитие технологического потенциала гражданского судостроения и техники для освоения шельфовых месторождений», «Развитие производственных мощностей гражданского судостроения и материально-технической базы отрасли», «Государственная поддержка» (кредитование судовладельцев на условиях постройки судна на отечественных верфях).

⁴ Развитие гражданского судостроения в России — 2019 год / ПортНьюс, 2020. URL: <https://minpromtorg.gov.ru/common/upload/files/docs/Minpromtorg-2020.pdf>.

что санкций не оказали принципиального влияния на конъюнктуру отрасли, которую удалось скорректировать рядом адаптационных мер.

Вычислительная техника и микроэлектроника

В сентябре 2016 г. Агентство промышленности и безопасности США (BIS) ввело санкции в отношении российских производителей электроники: «Микрон», «Ангстрем», «Микран» и др.⁵: их активы в США подлежали заморозке, а на экспорт технологий этим структурам накладывались ограничения.

Как и в случае с судостроением, еще в 2012 г. была принята Госпрограмма «Развитие электронной и радиоэлектронной промышленности на 2013–2025 годы», что могло сыграть роль определенного буфера при введении санкций⁶. Вероятно, на фоне уже введенных с 2014 г. санкционных пакетов и в ожидании дальнейших санкций с американской стороны уже в феврале 2016 г. было принято Постановление Правительства РФ о субсидировании отрасли⁷. Еще одним значимым событием стало принятие в 2018 г. Национального проекта «Цифровая экономика РФ (2018–2024)», масштабы которого, безусловно, выходят за рамки поддержки отрасли, но содержат конкретные планы по ее развитию.

Однако пока российская вычислительная техника и микроэлектроника занимает незначительную долю не только на зарубежных рынках, но и на отечественном. Так, доля отечественной микроэлектроники на рынке в России составляет не более 10 %⁸, а доля отечественного телекоммуникационного оборудования в госзакупках составляет менее 6 %⁹. Поэтому с целью стимулирования данной отрасли 7 декабря 2020 г. Правительство РФ установило минимально обязательную долю закупок товаров российского производства, в т. ч. радиоэлектронной и телекоммуникационной продукции¹⁰. Планируется, что в последующие годы данная квота будет увеличиваться.

Космическая отрасль

Ключевым ударом для данной отрасли стали ограничения США на экспорт товаров двойного назначения. Например, производители бортового оборудования не смогли закупить нужную электронно-компонентную базу категории Spase (радиационно стойкую), что предопределило провал ранее запущенных программ.

В то же время были оборваны многолетние кооперационные связи. Так, в 2014 г. Украина прекратила сотрудничество с Россией в ракетно-космической отрасли: было объявлено о прекращении сотрудничества в строительстве плавучего космодрома «Морской старт» — украинское участие в проекте заключалось в производстве первых двух ступеней ракеты «Зенит-3SL». В целом на тот момент некоторые комплектующие и приборы для

⁵ Russian Sanctions: Addition of Certain Entities to the Entity List / US Department of Commerce, 2016. URL: <https://s3.amazonaws.com/public-inspection.federalregister.gov/2016-21431.pdf>.

⁶ Стоит отметить, что обновленная госпрограмма до 2025 г. до сих пор находится в разработке. URL: <http://government.ru/docs/>.

⁷ Постановление Правительства РФ от 17 февраля 2016 г. № 109 «Об утверждении Правил предоставления из федерального бюджета субсидий российским организациям на возмещение части затрат на создание научно-технического задела по разработке базовых технологий производства приоритетных электронных компонентов и радиоэлектронной аппаратуры».

⁸ Подсчитана доля отечественной микроэлектроники в России / Росбалт. 29.09.2020. URL: <https://www.rosbalt.ru/business/2020/09/29/1865605.html>.

⁹ Аналитический центр АНО ТТ: доля отечественного телекоммуникационного оборудования в госзакупках составляет менее 6 % / Консорциум «Телекоммуникационные технологии». 24.09.2020. URL: <https://www.anott.ru/tpost/a2xyn6868l-analicheskii-tsentr-ano-tt-dolya-otech>.

¹⁰ Правительство ввело минимальную обязательную долю закупок российских товаров / Минпромторг России. 08.12.2020. URL: https://minpromtorg.gov.ru/press-centre/news/#!pravitelstvo_vvelo_minimalnuyu_obyazatelnyuyu_dolyu_zakupok_rossijskih_tovarov.

ракетных и космических объектов поставлялись только из Украины, что несло существенную угрозу российской отрасли. С американской стороны последовала приостановка со стороны NASA сотрудничества с Россией в сфере космоса по всем проектам, кроме МКС.

Отдельные инструменты поддержки космической отрасли были созданы еще до упомянутых событий: Федеральная целевая программа «Поддержание, развитие и использование системы ГЛОНАСС на 2012–2020 гг.» и Государственная программа Российской Федерации «Космическая деятельность России на 2013–2020 годы». Впоследствии также была принята Федеральная космическая программа России на 2016–2025 гг.

На данный момент точно оценить прогресс в адаптации отрасли к западным санкциям затруднительно в силу закрытости части информации о реализации космических программ и разработок. Однако по определенным признакам можно сделать вывод, что сектор испытывает влияние санкций в большей степени, чем другие машиностроительные отрасли. К примеру, одна из ключевых целей Федеральной целевой программы «Поддержание, развитие и использование системы ГЛОНАСС на 2012–2020 гг.» фактически не была достигнута: группировка ГЛОНАСС не была полностью обновлена с использованием спутников нового (третьего) поколения¹¹ из-за того, что некоторые применяемые комплектующие являются товаром двойного назначения и пока не производятся в РФ.

Топливо-энергетический комплекс

Главными санкционными игроками в этом секторе являются ЕС и США. Евросоюз в 2014 г. ввел санкции на поставку оборудования и технологий для нефтяного сектора России. В частности, был введен режим предварительного одобрения сделок, например тех, в соответствии с которыми предполагается закупка оборудования для шельфовых проектов, глубоководного бурения и разведки месторождений Арктики. США, в свою очередь, ввели запрет на поставку оборудования для глубоководной добычи (свыше 152 м), разработки арктического шельфа и сланцевых нефтяных и газовых запасов. Также во избежание вторичных санкций многие американские и европейские компании ТЭКа прекратили свое сотрудничество с российскими партнерами на шельфе.

Что касается государственных программ, необходимо отметить принятие госпрограммы «Развитие энергетики» в апреле 2014 г. с последующей ее актуализацией с учетом новых реалий взаимоотношений с партнерами. Другие важные государственные документы были приняты уже в 2019 г.¹² Сырьевые компании смогли частично «переориентироваться на восток» и привлечь отдельные технологии и инвестиции из стран Азиатско-Тихоокеанского региона, Индии и др. Российские нефтегазовые компании также сохраняют высокий уровень разведки Арктики [Котомин А. Б., 2018] и планируют развивать там крупные проекты: НОВАТЭК — проекты «Ямал», «Ямал СПГ», «Арктик СПГ», «Роснефть» — «Восток Ойл» и др. Нельзя не отметить, что принятый в 2019–2020 гг. комплекс мер по поддержке и развитию АЗРФ¹³ прямым образом создает преференции именно для подобных крупных проектов.

В целом санкционные эффекты для компаний ТЭКа оказались сильно смягчены глубокими мерами господдержки их основной деятельности [Shapovalova D. et al., 2020]. Однако пока речь может идти скорее о смягчении операционных шоков — справиться с технологическими вызовами и перспективами глобального энергоперехода пока получается далеко не у всех игроков на рынке. Успехи НОВАТЭКа по производству «зеленого»

¹¹ Космический масштаб импортозамещения // Ведомости. 27.09.2020. URL: <https://www.vedomosti.ru/technology/articles/2020/09/27/841310-kosmicheskii-masshtab>.

¹² К ним относятся «Доктрина энергетической безопасности Российской Федерации» и «дорожные карты» по реализации мер по освоению нефтяных месторождений и увеличению объемов добычи нефти в Российской Федерации и по развитию нефтегазохимического комплекса в Российской Федерации на период до 2025 г.

¹³ Преференции для резидентов Арктической зоны РФ / Агентство регионального развития.

СПГ в Арктике контрастируют с попаданием «Сургутнефтегаза» в топ-10 худших компаний мира по объему и качеству раскрытия информации о воздействии на окружающую среду из числа публичных компаний, ответственных за наибольшие объемы выбросов CO₂¹⁴.

В импортозамещении в сфере ТЭКа есть как определенные успехи, так и явные трудности. К примеру, доля отечественных катализаторов, используемых в нефтепереработке, возросла с 31,8 % в 2014 г. до 69,5 % в 2020-м. Кроме того, в 2019 г. в Тобольске завершено строительство нового высокотехнологичного комплекса по глубокой переработке легкого углеводородного сырья в полиолефины. Это должно способствовать импортозамещению наиболее востребованных на российском рынке полимеров — полиэтилена и полипропилена.

На заводе в Благовещенске завершена реконструкция единственного в России предприятия, производящего терефталевую кислоту (ТФК), которая является базовым сырьем для производства синтетических тканей, пластиковых бутылок и упаковочных материалов для пищевой промышленности и медицины. Увеличение мощности производства позволит на 60 % покрыть внутренний спрос на ТФК в России и сократить импорт продукции.

В то же время нерешенной проблемой остается отставание в импортозамещении ИТ-оборудования для ТЭКа. В первую очередь речь идет о разработке и производстве мобильных операционных систем, автоматизированных систем управления производством и программах управления добычей. Нет четких контуров преодоления долгосрочных вызовов технологической трансформации отрасли в целом [Митрова Т. и др., 2018].

Для всех указанных отраслей можно отметить определенную общность подходов к государственной поддержке пострадавших отраслей: при различном наборе инструментов по всем отраслям в санкционный период были приняты новые или существенно обновлены действующие программы комплексного развития с учетом санкционных вызовов.

Также можно сделать отдельные частные выводы. Во-первых, развитие судостроительной отрасли на фоне санкционного давления идет достаточно оптимистичным темпом, прежде всего за счет возможностей точечной диверсификации через страны Азии.

Во-вторых, и набор инструментов поддержки, и развитие российского ТЭКа во многом определялись не столько конкретной санкционной динамикой последних лет, сколько стратегическими вызовами: началом энергоперехода и разработки новых технологий для отрасли в тех случаях, где диверсификация невозможна.

В-третьих, в отношении космической, вычислительной и микроэлектронной промышленности представляется, что влияние санкций на развитие этих секторов оказалось значительным: санкции не привели к их обвалу, но существенно сдерживают их обновление.

Таким образом, на российском примере подтверждается, что глубина интегрированности российских компаний в глобальные (и даже региональные) ЦДС существенно влияет на силу санкционных эффектов: в тех случаях, где эта связь была весьма сильная, эффекты санкций были наиболее болезненны, что подтверждает справедливость ряда положений концепции «взаимозависимости как оружия».

Однако российский пример иллюстрирует и другие взаимосвязи: комплексные эффекты санкций сегодня определяются не столько точностью выбора санкционного инструментария, сколько научно-техническим заделом в санкционируемой отрасли и возможностью диверсификации связей: в тех случаях, где они существенны, даже в глубоко интернационализированных отраслях подсанкционному государству удается на горизонте четырех-пяти лет перенастроить часть звеньев ЦДС. При этом наличие технологий-субститутов для диверсификации поставщиков не позволяет добиться такого эффекта, что хорошо видно на примере микроэлектронной промышленности и ТЭКа.

¹⁴ «Сургутнефтегаз» попал в последнюю десятку рейтинга MSCI // Нефть.капитал. 12.07.2021. URL: <https://oilcapital.ru/news/companies/12-07-2021/surgutneftegaz-popal-v-poslednyuyu-desyatku-reytinga-msci>.

РЕГИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА: КЕЙС ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА

Обратной стороной описанных в предыдущем разделе взаимосвязей является изменение целеполагания государств при применении санкционного инструментария — в частности, на постсоветском пространстве.

Мы можем отметить, что в последние годы все четче прослеживается следующая взаимосвязь: если санкционирующая страна понимает, что у страны-цели есть ресурсы для достаточно быстрого замещения «токсичных» связей (на горизонте четырех-пяти лет), то интенсификация санкционного давления свидетельствует уже не столько о стремлении изменить политическое поведение другой стороны или о символической миссии санкции, сколько о цементировании «развода», уничтожении базы для быстрого восстановления сотрудничества в будущем. Подобные примеры наблюдаются как в отдельных областях российско-американских и российско-европейских отношений, так и в наибольшей степени — на постсоветском пространстве — в отношениях России и Украины (равно как и Латвии, и Литвы).

Сегодня можно говорить о новых долговременных тенденциях на постсоветском пространстве. Представляется, что, **несмотря на превалировавший после распада СССР тактический характер односторонних ограничений, преимущественно торгового характера, с 2014 г. наблюдается постепенный переход к долгосрочным, стратегическим санкциям, поскольку целью санкционера все реже становится изменение политического поведения оппонента и все чаще — стремление ослабить сети сотрудничества и взаимозависимости на всех уровнях.**

Наиболее ярко данная эволюция проявляется в отношениях России и Украины, аналогичные изменения наблюдаются в отношениях со странами Прибалтики. Этот процесс отражает несколько аспектов:

- бремя взаимозависимости, зачастую приемлемой второй стороной только на нерыночных условиях (пример — газовые вопросы в отношениях России и Украины);
- высокую внутривнутриполитическую составляющую антироссийских санкций для местных элит и неприемлемость односторонних мер без зеркальности для Москвы;
- устаревание отдельных производственно-хозяйственных цепочек, сформированных в советское время, проблемы с обновлением кадрового состава в силу разрыва образовательных и гуманитарных связей, секторальную переориентацию экономики.

Так, в 2021 г. Совет национальной безопасности и обороны (СНБО) Украины проявляет особую активность во введении санкций. За первые семь месяцев было утверждено 13 решений СНБО «О применении персональных специальных экономических и других ограничительных мер (санкций)»¹⁵ и «О применении, отмене и внесении изменений в персональные специальные экономические и другие ограничительные меры (санкции)». Эти нормативно-правовые акты вводят санкции против ряда физических и юридических лиц.

Под санкции начали попадать украинские граждане и компании. Это новое направление в украинской санкционной политике, т. к. в администрации предыдущего президента, П. Порошенко, заявлялось, что это исключено законом¹⁶. Особое внимание в данном контексте привлекают решения СНБО, в которых под санкции попали народные депутаты Украины, в частности Тарас Козак и Виктор Медведчук. Санкции против последнего,

¹⁵ Решения вступили в силу согласно указам президента Украины № 36, 43, 64, 109, 140, 151, 169, 184, 203, 264, 265, 266, 304. URL: <https://www.rnbo.gov.ua/ua/Ukazy/>.

¹⁶ Согласно украинскому закону «Про санкции» субъектом санкций может стать иностранное государство, иностранные физические и юридические лица, юридическое лицо, находящееся под контролем иностранного юридического лица или физлица-нерезидента, лица без гражданства, а также субъекты, проводящие террористическую деятельность.

а также лиц и компаний, предположительно с ним связанных, были введены в связи с расследованием Службы безопасности Украины финансирования терроризма¹⁷.

Таким образом, на постсоветском пространстве сегодня санкционные инструменты все чаще становятся не столько средством тактического давления, сколько методом достижения стратегических целей. В отношениях России и США, США и Китая альтернативой такому режиму тактического давления обычно считается политика сдерживания, однако на постсоветском пространстве говорить об этом представляется некорректным — это другой феномен, фигурально выражаясь, стороны переходят от проблемных отношений к «разводу и дележу имущества», чтобы потом идти своими путями. **Санкции переходят от режима принуждения к режиму размежевания.**

В подобных случаях санкции все чаще оказываются направлены не только на создание разовых шоков, но и на подрыв долгосрочных стимулов экономического и гуманитарного сотрудничества. Подобные санкции не носят экзистенциальный характер, однако при неумелой реакции на них (которые встречаются на постсоветском пространстве регулярно) могут носить разрушительный эффект для отдельных районов/регионов/отраслей, провоцировать миграцию.

Последствия нового качества санкционных практик на постсоветском пространстве уже достаточно четко вырисовываются. Первое и самое очевидное — это разрыв торгово-инвестиционных связей. Во-вторых, интересы укрепления национальной идентичности и субъектности все больше противоречат экономическим и социальным интересам постсоветских стран. Новые санкции «без оглядки на экономику» ведут к изменению отраслевой специализации отдельных регионов, активизации миграции — что уже достаточно длительное время наблюдается на примере Литвы и Латвии.

Новые санкции имеют и долгосрочные политические последствия. Среди них главное — это сужение повестки развития в двусторонних отношениях: даже при нормализации отношений поле для общих проектов развития будет крайне ограниченным, единственной деятельной повесткой станет повестка деэскалации, деконфликтинга. Это, в свою очередь, снижает альтернативные издержки конфликта. Сочетание указанных последствий позволяет предположить, что с высокой степенью вероятности можно ожидать в средне- и долгосрочном периоде снижение частоты применения санкционного инструментария на постсоветском пространстве в силу сокращения общего поля взаимодействия между странами-мишенями и странами-санкционерами и, как следствие, объектов потенциальных санкций.

ВЫВОДЫ

К важным свойствам современных санкционных инструментов, проявившимся на примере антироссийских санкций, можно отнести их способность влиять на национальные стратегии развития, привнося в них фактор долгосрочного сокращения кооперационных связей. В случае с антироссийскими программами США, ЕС, Украины санкции и ответные меры способствовали запуску процессов перестройки производственно-сбытовых цепочек, импортозамещения, диверсификации внешних партнеров. Не во всех отраслях этот процесс был одинаково эффективным, но тренд стал достаточно универсальным для отраслей, предполагающих долгий инвестиционно-производственный цикл и высокую наукоемкость.

Таким образом, для учета долгосрочных санкционных эффектов представляется важным принимать во внимание не столько масштаб санкционной программы как таковой,

¹⁷ РНБО ввела санкції щодо Віктора Медведчука та Оксани Марченко [СНБО ввел санкции против Виктора Медведчука и Оксаны Марченко] // BBC Україна, 2021. URL: <https://www.bbc.com/ukrainian/news-56127093>.

сколько ее прогнозируемую устойчивость. При наличии активной кодификации санкционируемая сторона начинает надстраивать к мерам по обеспечению устойчивости («стратегии выживания») меры, способные обеспечить развитие в условиях экономического развода (частичного или полного) с санкционером. Такая перестройка постепенно затрагивает и не подпадавшие под санкции проекты, и отрасли.

В перспективе такая «разводящая» функция санкций стимулирует страны превентивно минимизировать санкционные риски в будущем и сокращать поле для сотрудничества. Таким образом, помимо непосредственно политических задач санкции начинают играть самостоятельную, трансформационную роль в двусторонних отношениях, сокращая поле для взаимодействия.

Список источников

Андрюшкевич О. А., Денисова И. М. Отраслевые эффекты антироссийских секторальных санкций / Вестник ЦЭМИ. 2020. № 1. 8 с.

Бородин К. Г. Влияние эмбарго и санкций на агропродовольственные рынки России: анализ последствий // Вопросы экономики. 2016. № 4. С. 124–143. URL: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2016-4-124-143>.

Варвус С. А. Особенности влияния санкций на отраслевое развитие экономики России // Экономика. Налоги. Право. 2018. Т. 11. № 4. С. 44–53.

Гурвич Е. Т., Прилепский И. В. Влияние финансовых санкций на российскую экономику // Вопросы экономики. 2016. № 1. С. 5–35. URL: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2016-1-5-35>.

Закирова Д. Ф., Закирова Э. Ф. Оценка влияния экономических санкций на банковскую систему Российской Федерации // Актуальные проблемы экономики и права. 2018. Т. 12. № 1. С. 19–32. URL: <http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.12.2018.1.19-32>.

Котомин А. Б. Оценка влияния санкций США и стран ЕС на деятельность основных российских нефтегазовых компаний в АЗРФ и на шельфе арктических морей // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2018. № 5 (61). С. 80–92. URL: <http://dx.doi.org/10.25702/KSC.2220-802X.5.2018.61.80-92>.

Митрова Т., Грушевенко Е., Малов А. Перспективы российской нефтяной добычи: жизнь под санкциями / Центр энергетики Московской школы управления «Сколково», 2018. URL: <https://energy.skolkovo.ru/downloads/documents/SEneC/research04-ru.pdf>.

Прилепский И. В. Финансовые санкции: влияние на потоки капитала и экономический рост РФ // Журнал Новой экономической ассоциации. 2019. № 3 (43). С. 163–172. URL: <http://dx.doi.org/10.31737/2221-2264-2019-43-3-8>.

Телегина, Е. А., Халова, Г. О. Санкции и торговые войны как индикаторы трансформации мирового хозяйства. Возможности для России // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63. № 2. С. 13–20. URL: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2019-63-2-13-20>.

Aalto P., Forsberg T. The structuration of Russia's geo-economy under economic sanctions // *Asia Europe Journal*. 2016. Vol. 14. No. 2. P. 221–237. URL: <https://doi.org/10.1007/s10308-015-0446-6>.

Connolly R. *Russia's Response to Sanctions: How Western Economic Statecraft is Reshaping Political Economy in Russia*. Cambridge: Cambridge University Press, 2018. 228 p. URL: <https://doi.org/10.1017/9781108227346>.

Farrell H., Newman A. L. *Weaponized Interdependence: How Global Economic Networks Shape State Coercion* // *International Security*. 2019. Vol. 44. Iss. 1. P. 42–79. URL: https://doi.org/10.1162/isec_a_00351.

Gould-Davies N. Russia, the West and sanctions // *Survival*. 2020. Vol. 62. No. 1. P. 7–28. URL: <https://doi.org/10.1080/00396338.2020.1715060>.

Korhonen I., Simola H., Solanko L. Sanctions, counter-sanctions and Russia: Effects on economy, trade and finance / BOFIT Policy Brief. 2018. No. 4. URL: <https://helda.helsinki.fi/bof/bitstream/handle/123456789/15510/bpb0418.pdf?sequence=1>.

Shapovalova D., Galimullin E., Grushevenko E. Russian Arctic offshore petroleum governance: The effects of western sanctions and outlook for northern development // *Energy Policy*. 2020. Vol. 146. No. 111753. URL: <https://doi.org/10.1016/j.enpol.2020.111753>.

References

Aalto P., Forsberg T. (2016). The structuration of Russia's geo-economy under economic sanctions. *Asia Europe Journal*, vol. 14, iss. 2, pp. 221–237. Available at: <https://doi.org/10.1007/s10308-015-0446-6>.

Andryushkevich O., Denisova I. (2020) Effects of Anti-Russian Sectoral Sanctions. *Vestnik TsEMI — Herald of CEMI*, iss. 1, 8 p. (In Russ.). Available at: <https://doi.org/10.33276/S265838870009055-3>.

Borodin K. (2016). The Impact of the Embargo and Sanctions on the Agri-Food Markets in Russia: Analysis of Consequences. *Voprosy Ekonomiki*, iss. 4. pp. 124–143 (In Russ.). Available at: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2016-4-124-143>.

Connolly R. (2018). *Russia's Response to Sanctions*. Cambridge: Cambridge University Press, 228 p. Available at: <https://doi.org/10.1017/9781108227346>.

Farrell H., Newman A.L. (2019). Weaponized Interdependence: How Global Economic Networks Shape State Coercion. *International Security*, vol. 44, iss. 1, pp. 42–79. Available at: https://doi.org/10.1162/isec_a_00351.

Gould-Davies N. (2020). Russia, the West and sanctions. *Survival*, vol. 62, iss. 1, pp. 7–28. Available at: <https://doi.org/10.1080/00396338.2020.1715060>.

Gurvitch E., Prilepskiy I. (2016). The Impact of Financial Sanctions on the Russian Economy. *Voprosy Ekonomiki*, no. 1, pp. 5–35 (In Russ.). Available at: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2016-1-5-35>.

Korhonen I., Simola H., Solanko L. (2018). Sanctions, counter-sanctions and Russia: Effects on economy, trade and finance. BOFIT Policy Brief, no. 4. Available at: <https://helda.helsinki.fi/bof/bitstream/handle/123456789/15510/bpb0418.pdf?sequence=1>.

Kotomin A.B. (2018). Evaluation of Influence of the USA and EU Sanctions on Main Russian Oil and Gas Companies Performance in the Russian Arctic Zone and on the Arctic Seas Shelf. *Sever i rynek: formirovanie ekonomicheskogo porjadka – The North and the Market: Formation of the Economic Order*, iss. 5 (61), pp. 80–92. (In Russ.). Available at: <http://dx.doi.org/10.25702/KSC.2220-802X.5.2018.61.80-92>.

Mitrova T., Grushevenko E., Malov A. (2018). The Future of Oil Production in Russia: Life Under Sanctions. Skolkovo Moscow School of Management (In Russ.). Available at: <https://energy.skolkovo.ru/downloads/documents/SEneC/research04-en.pdf>.

Prilepskiy I.V. (2019). Financial Sanctions: Impact on Capital flows and GDP Growth in Russia. *Zhurnal Novoi ekonomicheskoi assotsiatsii – Journal of the New Economic Association*, iss. 3 (43), pp. 163–172 (In Russ.). Available at: <http://dx.doi.org/10.31737/2221-2264-2019-43-3-8>.

Shapovalova, D., Galimullin, E., Grushevenko, E. (2020). Russian Arctic offshore petroleum governance: The effects of western sanctions and outlook for northern development. *Energy Policy*, vol. 146, no. 111753. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.enpol.2020.111753>.

Telegina E., Khalova G. (2019). Sanctions and Trade Wars as Indicators of Transformation of the World Economy. Opportunities for Russia. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya – World Economy and International Relations*, vol. 63, no. 2, pp. 13–20 (In Russ.). Available at: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2019-63-2-13-20>.

Varvus S.A. (2018). Specifics of the Impact of Sanctions on the Sectoral Development of the Russian Economy. *Ekonomika. Nalogi. Pravo – Economics, Taxes, Law*, vol. 11, no. 4. pp. 44–53 (In Russ.). Available at: <https://doi.org/10.26794/1999-849X-2018-11-4-44-53>.

Zakirova D.F., Zakirova E.F. (2018). Assessment of the Economic Sanctions Influence on the Russian Banking System. *Aktual'nye problemy ekonomiki i prava – Actual Problems of Economics and Law*, vol. 12, no. 1, pp. 19–32 (In Russ.).

Информация об авторе

Анастасия Борисовна Лихачева, кандидат политических наук, директор Центра комплексных европейских и международных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», г. Москва

Information about the author

Anastasia B. Likhacheva, Candidate of Political Sciences, Director of the Center for Comprehensive European and International Studies, HSE University, Moscow

Статья поступила в редакцию 30.06.2021
Одобрена после рецензирования 25.07.2021
Принята к публикации 19.08.2021

Article submitted June 30, 2021
Approved after reviewing July 25, 2021
Accepted for publication August 19, 2021